

НЕПОЛНЫЕ СЕМЬИ В СОСТАВЕ РАСШИРЕННЫХ СЕМЕЙ В ТУВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ

О. Д. Натсак^а

^а Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва
(Кызыл, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В Туве наблюдается рост числа неполных семей в составе простых и сложных домохозяйств. Выросли средний размер и детность неполных семей. Цель статьи – социологическое изучение неполных семей, входящих в состав многопоколенных расширенных семей; анализ родственной помощи; выработка рекомендаций в региональные нормативные акты, принятые в сфере семейного и демографического развития.

Материалы и методы. Использованы качественные социологические методы (глубинное интервью), направленные на изучение социальных практик женщин, возглавляющих неполные семьи в Республике Тыва. Было опрошено 33 одиноких женщин, имеющих детей.

Результаты. Более трети неполных семей в Туве проживает в домохозяйствах со сложной структурой. Неполные семьи часто являются реципиентами родительской, родственной помощи. Глубинные интервью показали, что внутрисемейные экономические потоки в расширенных семьях в Туве имеют преимущественно нисходящий характер – от прародителей к последующим поколениям, прародители оказывают и материальную, и инструментальную помощь неполным семьям. Помощь прародителей за счет пенсий и иных источников частично компенсирует отсутствующий компонент в бюджете неполной семьи, который должен был бы вносить отец детей. Такое перераспределение ресурсов в определенной степени улучшает материальное положение неполных семей, но ухудшает качество жизни старшего поколения.

Обсуждение. Низкие доходы, высокая стоимость недвижимости и связанные с ней жилищные депривации способствуют росту числа расширенных многопоколенных семей, куда входят неполные семейные ячейки. Межпоколенные нисходящие трансферты особо актуальны в условиях дефицита ресурсов в неполной семье вследствие многодетности, безработицы главы неполной семьи, отсутствия собственного жилья и вынужденного проживания в арендуемом жилье, наличия в семье студентов, обучающихся в других городах, детей с ограниченными возможностями здоровья, на лечение и обследование которых требуются дополнительные расходы. Помощь прародителей получают как нуклеарные неполные семьи, так и те, которые входят в состав сложных по структуре расширенных семей. С точки зрения демографического развития региона распространенность расширенных многопоколенных семей может сдерживать рост рождаемости. Необходимы меры повышения доступности жилья для семей в целом, активизации участия одиноких матерей в экономике региона для улучшения их материального положения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неполные семьи, прародители, расширенные семьи, родственная помощь, межпоколенческие трансферты, детская бедность, жилищная депривация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Натсак О. Д. Неполные семьи в составе расширенных семей в Туве: проблемы и особенности // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 6. С. 43-59. EDN BPVENF. DOI 10.22394/2304-3369-2024-6-43-59.

© О. Д. Натсак, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Натсак Органа Доржуевна – кандидат философских наук; Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики (66700, Россия, Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4) – *ученый секретарь*; pod695596@gmail.com. SPIN: 1143-7043, ORCID: 0000-0003-1833-4810, Scopus ID: 57222637139, Researcher ID: AAE-5158-2022.

Статья поступила 24.05.2024; рецензия получена 17.07.2024; принята к публикации 02.10.2024.

SINGLE-PARENT FAMILIES AS PART IN MULTI-GENERATIONAL EXTENDED FAMILIES IN TUVA

O. D. Natsak ^a

^a Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva
(Kyzyl, Russia)

ABSTRACT

Introduction. In the Republic of Tuva, there is an increase in the number of single-parent families with simple and complex multi-generational composition. There is an increase in the number of single-parent families with nuclear and complex multi-generational composition in the Republic of Tuva. The author has set a goal to investigate single-parent families living in multigenerational families and to analyze kinship assistance to single mothers using sociological methods and drafting recommendations for the regional concept of family policy.

Materials and methods. The article relies on a sociological research materials held using qualitative methods aimed at studying the social practices of women who head single-parent families in Tuva. 33 single mothers were interviewed.

Results. More than a third of single parents with children in Tuva live in households with a complex structure. Single-parent families are often recipients of parental and kinship care. In-depth interviews with single mothers have shown that intra-family economic flows in extended families in Tuva are predominantly downward – from the grandparents to subsequent generations, the grandparents provide both material and instrumental assistance to single-parent families. The assistance of the grandparents at the expense of pensions and other sources partially compensates for the missing component in the budget of a single-parent family, which the father of the children would have to contribute. Such a redistribution of resources improves the financial situation of single-parent families to a certain extent, but worsens the older generation's life quality.

Discussions and conclusions. Intergenerational downward transfers are especially relevant in conditions of a shortage of resources in a single-parent family due to several number of children, non-employment of single mothers, lack of property in the form of housing, upkeeping students, children with disabilities, whose treatment require additional expenses. Low incomes, high real estate values and related housing deprivation lead to increasing the number of extended multi-generational families, which include single-parent family units. Both nuclear incomplete families and those that are part of complex extended families receive the help of their grandparents.

KEYWORDS: single-parent families, grandparents, extended families, assistance, intergenerational transfers, child poverty, housing deprivation

FOR CITATION:

Natsak, O. D. (2024). Single-parent families as part in multi-generational extended families in Tuva. *Management Issues*, 18(6), 43-59. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-6-43-59>. <https://elibrary.ru/bpvenf>.

AUTHORS' INFORMATION:

Organa D. Natsak – Ph.D. of Philosophy; Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (4, Kochetova, Kyzyl, the Republic of Tuva, 667000, Russia) – *Academic Secretary*; nod695596@gmail.com. SPIN: 1143-7043, ORCID: 0000-0003-1833-4810, Scopus ID: 57222637139, Researcher ID: AAE-5158-2022.

The article was submitted 24.05.2024; reviewed 17.07.2024; accepted for publication 02.10.2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

В Туве, как и в России в целом, семья и дети являются доминирующими ценностями. Однако социальные, экономические и социокультурные процессы, происходящие в современном мире и в тувинском обществе, способствуют трансформации института семьи. Несмотря на то, что желаемой и социально одобряемой моделью семьи в общественном дискурсе остается полная, нуклеарная семья, имеющая детей и законный брачный статус, в социальной практике всё более распространенными становятся семьи с неполной структурой и внебрачными детьми. Функционирование неполных семей с детьми – это преимущественно гендеризированный опыт, так как абсолютное большинство неполных семей состоит из женщины и ее детей, а причины формирования таких семей могут быть разными, в том числе иметь регионально-этнические особенности.

Неполные семьи представляют собой значимую проблему современного общества. Рост их числа – глобальный тренд в сегодняшнем мире. Об институционализации семей с одним родителем свидетельствует не только система государственной социальной помощи для данной категории семей, принятая во многих странах мира, но и новые практики работы с ними. В Республике Корея, к примеру, разработаны и реализуются образовательные программы для школьных учителей и государственных служащих, направленные на лучшее понимание ими специфики неполных семей [1, р. 41]. В России проблема неполных семей и внебрачной рождаемости не теряет своей актуальности. В демографической структуре России неполные семьи составляют 26,4% и имеют тенденцию к росту (по данным переписи 2020 г.) [2, с. 12]. Причины кризисного состояния семьи имеют комплексный характер, вместе с тем трансформация ценностей и представлений о нормативности в семейно-брачной сфере играет в ней определяющую роль. Об этом свидетельствуют исследования российских ученых. Н. А. Романович отмечает снижение значимости

семейного статуса, за которым следует моральное оправдание обществом добрачной сексуальности, внебрачные рождения, кризис института брака [3, с. 139]. А. Б. Синельников на основе результатов опросов населения, проведенных с 2012 по 2022 г., указывает на рост социальной приемлемости разводов в России [4, с. 75].

Для тувинского общества данная тема весьма актуальна и важна, хотя бы по тому основанию, что доля детей, рождающихся у матерей, не состоящих в браке, является самой большой по России.

Вопросы неполных семей в современном тувинском обществе являются малоизученными. Исследования, посвященные современной тувинской семье, имеют преимущественно этнографическое, социокультурное и этнокультурологическое направления, касающиеся проблем ценностей, традиций [5, 6]. Социологическому и демографическому анализу тувинской семьи, особенностей репродуктивного поведения были посвящены работы Г. С. Гончаровой, Л. Я. Савельева [7], А. Р. Михеевой [8], О. Д. Натсак [9]. Неизученными оставались вопросы жизненных стратегий женщин, возглавляющих неполные семьи с детьми, их финансово-экономическое поведение, помощь, которую они получают от ближайших родственников. Между тем современные изменения структуры семьи, которые выразились в росте внебрачной рождаемости и неполных семей с детьми, возглавляемых женщинами, требуют осмысления, исследования, в том числе в рамках изучения бедности населения Республики Тыва. В 2022-2023 гг. возобновились исследования структурных проблем современной тувинской семьи¹.

Целью статьи является исследование особенности функционирования неполных семей в составе многопоколенных семей в Республике Тыва, задачами – анализ статистической динамики изменения удельного веса сложных по составу многопоколенных домохозяйств, в которых представлены неполные семьи; изучение проблем

¹ Натсак О. Д. Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе. Отв. ред. Т. К. Ростовская. Абакан: ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2023. 240 с.

бедности, материальной и инструментальной помощи прародителей неполным семьям на основе материалов глубинных интервью с одинокими матерями, а также управленческих аспектов проблем неполных семей.

В соответствии с Национальным стандартом² социального обслуживания в данной статье под неполными семьями понимаются семьи, в которых ребенка или детей воспитывает один из родителей. Неполные семьи формируются по разным причинам, основными из которых являются распад брачной пары вследствие развода (разрыва, если брак не был официально зарегистрирован), смерти одного из супругов, а также рождение детей вне брака.

Основная гипотеза заключается в том, что неполные семьи негетерогенны, детерминирующим фактором в росте неполных семей, включенных в состав многопоколенных расширенных семей, является дефицит материальных ресурсов, жилищные депривации. В этих условиях родственная помощь, а также финансовая поддержка, домашний труд прародителей в жизнедеятельности материнских семей с детьми играют чрезвычайно важную роль и в некоторых случаях, связанных с молодым возрастом одиноких матерей, являются условием их выживания.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологическим основанием статьи стали работы российских исследователей, таких как Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Е. Н. Васильева, И. А. Безвербая по многопоколенным семьям [10, 11], а также исследования по «экономике поколений» и межпоколенным трансфертам В. Ю. Бабышева [12], Е. В. Гладниковой [13], А. А. Мироновой [14], М. Б. Денисенко, В. А. Козлова [15], О. В. Синявской, В. А. Козлова, Т. Б. Гудковой [16], по теории реципрокности С. Ю. Барсуковой [17, 18], И. Н. Реутовой, Е. В. Реутова, И. В. Шавыриной [19, 20], исследования И. Е. Штейнберга, посвященные социальным сетям поддержки [21, 22]. Рассматривая семейно-демографическую структуру общества как объект социальной регуляции и управленческого воздействия, автор ориентировался на методологические подходы социологии

управления, разработанные российскими учеными³.

В статье также использованы методы статистико-демографического анализа и социологические методы качественного характера, а также контент-анализа официальных документов. Информационной основой статьи явились материалы Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. Эмпирической основой работы послужили результаты авторского социологического исследования, направленного на изучение социальных практик женщин, возглавляющих монородительские семьи в Республике Тыва. Методом глубинного интервью было опрошено 33 женщины из неполных семей. Отбор респондентов был осуществлен исходя из необходимости охвата женщин, имеющих разные социально-экономические характеристики: городские и сельские жительницы; имеющие высшее, среднее профессиональное, среднее общее образование; работающие и безработные. Кейсы респондентов включали основные причины формирования неполных семей в современном тувинском обществе: внебрачные рождения детей у женщин, никогда не состоявших в браке; вдовство; разводы. Интервью были направлены на изучение биографических историй респондентов для классификации причин и условий формирования неполных семей, на выявление их материального положения, условий жизни и жизненных стратегий.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Неполные семьи в составе расширенных семей. На распространенность расширенных семей в современном обществе влияют экономические факторы, связанные со стоимостью жилья, низкими доходами одиноких родителей, а также социальные причины, когда дети в семьях с работающими взрослыми нуждаются в заботе и уходе прародителей. Изменения в структуре семьи в сторону расширения в результате территориального объединения разных поколений в рамках одного домохозяйства характерны для многих стран. Н. Бартон, к примеру, исследуя семьи в европейских странах, полагает, что рост платы за обучение, цен на недвижимость, а также ослабление всеобщего благосостояния приводят к тому, что ответственность за

² ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Термины и определения», утверждённый приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 г. № 532-ст (ред. от 17.10.2013) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-52495-2005-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 15.07.2024 г.).

³ Тихонов А. В. Социология управления: Теорет. основы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 322 с.; Чупров В. И. Проблемы социальной регуляции в социологии управления: курс лекций. Отв. ред. Ю. Г. Волков Ростов-на-Дону: ИППК КОФУ: Антей, 2007. 39 с.

благополучие семьи вновь переходит к семье, которая в некотором роде возвращается к расширенной форме⁴.

На современном этапе развития тувинского общества многосоставные домохозяйства, включающие в себя семейные ячейки с неполной структурой, являются распространенным типом, вызванным экономическим положением неполных семей, жилищными проблемами, связанными с высокой стоимостью жилья в столице республики, районных центрах. Жилищная депривация – ключевая проблема не только для неполных, но и для полных, но бедных семей, ухудшающая качество жизни населения республики. Важным представляется подход А. В. Ярашевой и С. В. Макара, которые рассматривают жилье как компоненту социально-экономического потенциала региона [23, с. 90].

Если сравним стоимость квадратного метра жилья на вторичном рынке по субъектам РФ, то показатель по Республике Тыва (103 891 руб.) по

данным III кв. 2022 г. опережает цены во многих российских регионах, в рамках СибФО – уступает только Республике Алтай (109 042 руб.) и превышает показатели всех остальных сибирских регионов⁵. В Республике Тыва в среднем на одного жителя в 2021 г. приходились минимальные 14,6 кв. м при среднероссийском показателе 27,9 кв. м.

Основной причиной совместного проживания неполной семьи с родственниками и другими лицами, которое приводит к формированию многопоколенной семьи, является отсутствие собственного жилья у одинокого родителя – женщины с детьми.

Материалы Всероссийской переписи 2020 г. показывают, что по сравнению с 2010 г. в Туве наметился рост числа материнских и отцовских семей, однако в совокупности домохозяйства со сложной структурой, в которых представлены неполные семейные ячейки, количественно больше домохозяйств, состоящих из нуклеарных неполных семей (таблица 1).

Таблица 1 – Количественные характеристики домохозяйств, включающих неполные семьи, в Республике Тыва (по материалам Всероссийских переписей 2010, 2020 гг.)

Table 1 – Quantitative characteristics of households including single-parent families in the Republic of Tuva (based on the materials of the All-Russian censuses of 2010, 2020)

Всего домохозяйств	в том числе домохозяйств в составе:			
	матери с детьми	отца с детьми	матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца)	матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)
2010				
74 443	8311 (11,16%)	958 (1,29%)	1965 (2,64%)	3387 (4,55%)
2020				
78 054	11157 (14,29%)	1436 (1,84%)	1999 (2,56%)	5836 (7,48%)

Источник: Росстат.

Если сравнивать данные показатели Республики Тыва с данными других национальных республик РФ, с которыми ее объединяет культурная

и историческая близость, получается следующая картина (таблица 2).

⁴ Barton, N. (2017) What Future for the Family? Families are becoming much more diverse. Psychology Today [online], accessed at: URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/hidden-and-seeking/201708/what-future-the-family> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵ Средние цены на вторичном рынке по субъектам и центрам субъектов РФ в 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru/storage...sred_cen_vtor_3kv-2022.xlsx (дата обращения 20.03.2023 г.).

Таблица 2 – Количественные характеристики домохозяйств, включающих неполные семьи, в некоторых национальных республиках РФ (по материалам Всероссийской переписи 2020 г.)
Table 2 – Quantitative characteristics of households including single-parent families in some national republics of the Russian Federation (based on the materials of the All-Russian Census of 2020)

Всего	в том числе домохозяйств в составе:			
	матери с детьми	отца с детьми	матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца)	матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)
Республика Тыва				
78 054	11157 (14,29%) ⁶	1436 (1,84%)	1999 (2,56%)	5836 (7,48%)
Республика Хакасия				
145 356	21 411 (14,73%)	2578 (1,77%)	3110 (2,14%)	4773 (3,28)
Республика Алтай				
56 308	8067 (14,33%)	813 (1,44)	1186 (2,11%)	1646 (2,92%)
Республика Саха (Якутия)				
250 391	38 263 (15,28)	5619 (2,24%)	5414 (2,16%)	10741 (4,29%)
Республика Бурятия				
257 500	41 695 (16,19%)	5 258 (2,04%)	7515 (2,92%)	12927 (5,02%)
Республика Калмыкия				
67024	11990 (17,89%)	1648 (2,46%)	2081 (3,1%)	4945 (7,38%)

Источник: Росстат.

Среди указанных в таблице 2 субъектов РФ Республика Калмыкия опережает все остальные регионы и занимает первое место по доле домохозяйств, в которых так или иначе присутствуют неполные семьи (33,83%), на втором месте – Республика Тыва (26,17%) и Республика Бурятия (26,17%), на третьем месте – Республика Саха (Якутия) (23,97%), затем идет Республика Хакасия (21,92%), наименьшая доля таких домохозяйств наблюдается в Республике Алтай (20,8%).

Среди рассматриваемых регионов наибольшие доли сложных домохозяйств, в структуру которых входят неполные семьи, наблюдаются в Республике Калмыкия (34%) и Республике Тыва (32,07%) (таблица 3). Данное обстоятельство может указывать на два важных региональных фактора экономического и демографического характера: на глубину жилищной депривации в Калмыкии и Туве и на высокое

значение внебрачных рождений у матерей молодого возраста, при котором не накоплен необходимый социальный и экономический капитал для отделения от семьи прародителей и нуклеаризации.

Рассмотрим изменение доли сложных домохозяйств в Туве, имеющих в своем составе неполные семьи, в межпереписные периоды (таблица 4).

В 2010 г. в Туве 36,59% неполных семей входили в состав домохозяйств со сложной структурой, в 2020 г. рост составил чуть более чем на 1 процентный пункт, и изменилось соотношение разных типов.

Отсутствие собственного жилья у одиноких матерей с детьми препятствует их отделению от семьи прародителей и других родственников, способствует росту доли домохозяйств со сложной структурой.

⁶ Проценты рассчитаны автором.

Таблица 3 – Неполные семьи в составе сложных домохозяйств в некоторых национальных республиках РФ⁷
(по материалам Всероссийской переписи 2020 г.)

Table 3 – Single-parent families in complex households in some national republics of the Russian Federation
(based on the materials of the All-Russian Census of 2020)

Субъекты РФ	Домохозяйства, в составе которых есть неполные семьи	Сложные домохозяйства, имеющие в составе неполные семьи	Доля сложных домохозяйств в общем числе домохозяйств, в составе которых есть неполные семьи (%)
Республика Тыва	20 428	7835	32,07
Республика Хакасия	31 872	7883	24,73
Республика Алтай	11 712	2832	24,18
Республика Саха (Якутия)	60 037	16 155	26,90
Республика Бурятия	67395	20442	30,33
Республика Калмыкия	20 664	7026	34,00

Таблица 4 – Динамика удельного веса домохозяйств Республики Тыва со сложной структурой в общем числе домохозяйств, в которых есть неполные семьи (по материалам Всероссийских переписей населения 2010, 2020 гг.⁸)

Table 4 – Dynamics of the share of complex structured households of the Republic of Tuva in the total number of households including single-parent families (based on the materials of the All-Russian Population censuses 2010, 2020)

Годы	Всего домохозяйств, имеющих в составе неполные семьи	Домохозяйства, имеющие в составе мать или отца с детьми и одного из родителей матери или отца	Домохозяйства, имеющие в составе мать или отца с детьми, одного из родителей матери или отца (или без него), прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)
2010	14621	1965 (13,43%)	3387 (23,16%)
2020	20428	1999 (9,78%)	5836 (28,56%)

Источник: Росстат

В настоящее время приобретение жилья исключительно на средства материнского капитала по цене доступно в сельских поселениях, зачастую не являющихся районными центрами. Вместе с тем средства материнского капитала представляют собой существенную государственную поддержку семьям, в том числе возглавляемым женщинами. Среди участниц интервью были одинокие матери, которые приобрели жилье в центре отдаленного района. Респондент № 3: «Имею собственный дом, купила в этом году на средства материнского капитала».

Проблема жилья является одной из сложных и острых проблем для тех одиноких матерей, которые

не имеют работы или достаточного уровня дохода для получения ипотечных кредитов, а также необходимого уровня образования для того, чтобы быть конкурентным на рынке труда и иметь стабильный доход.

Респондент № 9: «У меня нет собственного жилья, живем с дочерью в квартире моей матери, в которой также живут мать, мой родной брат. Мои старшие сыновья живут отдельно – уехали в другие города учиться. Получение ипотечного кредита просто не представляется возможным».

Респондент № 2: «Собственного дома нет, живу с двумя детьми в доме своих родителей совместно с ними. Без родителей было бы трудно. Маме 70 лет,

⁷ Рассчитано автором.

⁸ Рассчитано автором.

отцу 67 лет. У моих родителей есть и другие дети, нас всего 6 братьев и сестер, но с родителями живу только я».

Главным фактором является уровень дохода одинокой матери, материальное положение и возможности ее родителей. При малооплачиваемой занятости привлечение банковских кредитов к приобретению и строительству жилья затруднительно или практически невозможно. Для неполных семей, в которых единственным работающим взрослым является мать, ипотека представляет собой повышенные риски невыполнения финансовых обязательств перед банком в случае потери или снижения доходов. В этих условиях одинокие матери с детьми вынуждены проживать совместно со своими родителями.

Проживание неполных семей с детьми в составе многопоколенной семьи имеет как положительные, так и отрицательные эффекты для социально-демографического развития региона. Рассматривая многопоколенные семьи в целом, Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева и Е. Н. Васильева выделяют феномен солидарности как инструмент поддержки экономического и социального благополучия [10, с. 59–60]. И. А. Безвербная рассматривает многопоколенную семью не только как социальный институт, вынужденно формирующийся по экономическим причинам, но и как возможность обеспечения межпоколенческой преемственности и передачи ценностей [11, с. 190].

Роль родственной помощи в жизнедеятельности неполных семей. Экономическое положение неполных материнских семей не гомогенно, и дифференциация обусловлена кластерными признаками, такими как уровень образования, социально-профессиональный статус, доход матерей, а также степень добровольного или принудительного финансового участия биологических отцов, родственников в формировании бюджета неполной семьи. Текущее финансовое состояние этих семей зависит от комбинации разных источников доходов, вес каждого из которых в формировании бюджета семьи в каждом конкретном случае может варьироваться от основного до периферийного и менее значимого. Источниками доходов могут быть: зарплата женщины, алименты, государственные социальные и частные трансферты. В системе родственной помощи неполным семьям особое место занимает помощь родителей или одного из родителей одинокой матери в виде прямой денежной помощи, а также в

приобретении продуктов питания, одежды, обуви для детей.

В литературе, связанной с «экономикой поколений», и социологических работах существуют два мотивационных основания межпоколенных трансфертов: с позиции альтруизма, императивно предполагающего адекватного обмена, ответной передачи ресурсов, и с позиции «обмена», при котором материальные, нематериальные ресурсы инвестируются в детей с расчетом на то, что при изменении жизненных циклов, в которых находятся и родители, и дети, роль донора перейдет к младшему поколению, роль реципиента – старшему поколению [см.: 13, 16].

Наличие межпоколенных трансфертов материальных ресурсов и времени для многих неполных семей с детьми – важное условие выживания. Одинокие матери с детьми могут быть включены как в традиционные расширенные семьи, когда в одном домохозяйстве живут разные поколения близких родственников, так и в модифицированные, в которых территориальная нуклеаризация не сопровождается функциональной [15, с. 91].

Такие структурные изменения современных семей также неразрывно связаны с ростом числа семей с одним родителем, которые нуждаются в финансовой и иной поддержке прародителей. Нисходящие внутрисемейные трансферты со стороны бабушек и дедушек снижают уровень бедности монородительских семей, повышают их жизнестойкость. Американские социологи, исследовавшие неполные семьи с детьми, возглавляемые женщинами, указывали на то, что совместное проживание с бабушкой, имеющей пенсионные и страховые доходы, повышает шансы этой семьи выйти из бедности [24, с. 620–621].

Расширенная семья на новом витке социально-экономического развития тувинского общества подразумевает то, что старшее поколение (прародители) является источником инструментальных трансфертов и пополнения бюджета одинокого родителя с детьми. Определенную финансовую стабильность неполным семьям дают пенсионные доходы старшего поколения.

Респондент № 22: *«У меня двое сыновей. Мы имеем следующие доходы: пенсия старшего сына по потере кормильца – около 12 тыс. руб., выплаты на двоих детей⁹ – 24 тыс. рублей. Итого – 36 тыс. руб. Зарплату пока не получала, так как только в этом месяце устроилась на временную работу. Алименты*

⁹ Пособие единственным родителям, воспитывающим детей в возрасте 8-17 лет

на второго ребенка не получаем, в суд не подавала заявления. Средств не хватает. Материально нам помогает моя мама из своей пенсии».

Респондент № 29: *«У меня один ребенок. Я получаю зарплату – 38 тыс. руб., алименты – 8 тыс. руб. Средств на жизнь хватает, если экономить. Время от времени деньгами помогают мои родители».*

Респондент № 2: *«У меня двое детей. Моя зарплата составляет 30 тыс. руб., деньгами помогают мои родители, по республиканскому социальному проекту «Корова-кормилица» моя сестра получила корову с теленком, так как у нее трое детей, но пользуемся мы. Без родителей было бы трудно. Маме 70 лет, отцу 67 лет. У моих родителей есть и другие дети, нас всего 6 братьев и сестер. В выполнении тяжелых работ, таких как заготовка дров, сена, помогают братья».*

Экономическое выживание молодых женщин, родивших детей вне брака в раннем возрасте, а также не завершивших обучение, в современных условиях крайне затруднено вне совместного проживания с родственниками (родителями) по причине отсутствия необходимых ресурсов. К источникам доходов одинокой матери с детьми прибавляются пенсии родителей, в некоторых случаях у расширенной семьи формируется общий бюджет.

Респондент № 31: *«У меня высшее образование, работаю экономистом, получаю зарплату в размере МРОТ, на руки получаю около 27 тыс. рублей. Так как эта сумма превышает 2 прожиточных минимума на взрослого и ребенка, никакие выплаты, пособия я не получаю. Все крупные расходы осуществляем совместно с мамой. Мама помогает во всем: покупает продукты питания и необходимые вещи».*

Респондент № 26: *«У меня один сын. Получаю зарплату 42 тыс. руб., имею подработку на 0,5 ставки – заменяю учительницу, которая находится в декретном отпуске. Всего получается 50 тыс. в месяц. Выплат, пособий не получаю, так как доход превышает 2 прожиточных минимума. Родители получают пенсию. Важные покупки делаем совместно, вкладывают родители и я».*

Респондент № 20 (женщина, 45 лет, имеет высшее образование, работу, 5 детей): *«Бюджет нашей семьи состоит из моей заработной платы, пособий на детей, пенсий родителей. Есть скот родителей, который держат наши родственники. Средствами распоряджаюсь я. Из пенсий в обязательном порядке расходуются средства на лекарства родителей. Мы строим на территории участка еще один дом – для моих родителей. Строительство поглощает много*

средств». В данном случае мы наблюдаем такую ситуацию, когда работающая женщина фактически становится финансовым главой расширенной формы семьи.

При наличии собственного жилья и возможности раздельного проживания неполной семьи, она может оставаться акцептором межсемейного обмена, в котором прародители оказывают финансовую поддержку.

Респондент № 1: *«У меня двое детей. Купила квартиру по ипотечному кредиту, когда возникают финансовые затруднения, всегда помогает моя мама».*

Как показывает наше исследование, внутрисемейные экономические потоки имеют преимущественно нисходящий характер – от прародителей к последующим поколениям. Особенности брачной структуры тувинского общества, а именно, высокий уровень внебрачной рождаемости, распространенность неполных семей – создают такие условия, при которых некоторые прародители не успевают воспользоваться тем, что в «экономике поколений» исследователи называют «возвратом предоставленных когда-то кредитов более молодым поколениям» [см.: 15, с. 8]. Причина в том, что отсутствующий компонент в бюджете неполной семьи, который должен был бы вносить отец детей, компенсируется в том числе материальной помощью прародителей за счет средств пенсий, продукции из личных подсобных хозяйств и из других источников. Такое перераспределение ресурсов в определенной степени улучшает материальное положение неполных семей, снижает уровень деприваций и детской бедности, но сокращает уровень потребления у субъекта помощи – старшего поколения, приводит к ограничениям и экономии.

Следует отметить, что в проблеме бедности неполных семей нужно выделять и феномен детской бедности, детерминированный низкими доходами семьи, и характеризующийся недостаточным удовлетворением базовых потребностей детей, неблагоприятными жилищными условиями. Под детской бедностью понимается материальное положение детей, которые воспитываются в условиях дефицита ресурсов семьи, и данный фактор непосредственно влияет на здоровье, психологическое благополучие и образовательные, следовательно, жизненные шансы детей. А в перспективе детская бедность выступает фактором, снижающим качество человеческого потенциала региона, страны. В проведенном автором исследовании изучались в том числе адаптационные стратегии одиноких матерей,

направленные на улучшение материального положения детей, семьи в целом и преодоление состояния бедности. Проживание одиноких матерей с детьми в составе многопоколенной расширенной семьи является одной из адаптационных практик, снижающих уровень лишений.

В этом случае нисходящие трансферты старшего поколения уже встроены в структуру источников доходов неполной семьи на постоянной и регулярной основе. Со стороны прародителей такая модель финансовой помощи, скорее, является проявлением «обобщенной реципрокности», нежели «негативной», так как при последней получение благ не сопровождается намерениями ответных действий [см.: 19, с. 203–204]. Наши интервью с одинокими матерями, проживающими в составе расширенных семей, показали, что функции заботы они осуществляют не только в отношении своих детей, но и своих родителей. Таким образом, материальные и инструментальные затраты прародителей компенсируются обратной заботой со стороны монородителей.

Применительно к Туве, как мы полагаем, важно учитывать общий уровень бедности, особенности социально-демографической структуры бедного населения, его композицию по структурным типам семей. Республика Тыва считается одним из регионов с беднейшим населением. В структуре бедного населения Тувы доля детей до 16 лет, по данным 2021 г., составляла 46,4%, что выше показателя по РФ (40,2%), а лиц старше трудоспособного возраста 4,0% (в РФ – 6,15)¹⁰. При общем высоком уровне детской бедности в Туве по причине многодетности семей материальное положение неполных семей является трудным. Пенсионные доходы прародителей – гарантированными и регулярными по сравнению с временными, сезонными или низкими трудовыми доходами одиноких матерей, в этой связи их помощь дополняет получаемые женщинами оплату труда, социальные пособия и выплаты.

Важно отметить тот факт, что частные трансферты исследуются также с учетом структурных характеристик семьи. В обзоре научных подходов к изучению частных трансфертов Е. В. Гладникова приводит пример американского исследователя Л. Хао, который считает, что в системе межпоколенных обменов одинокая мать с меньшей вероятностью сможет получать трансферты по сравнению с семейной парой [13, с. 106]. Речь идет о

социокультурных факторах, связанных с возможным осуждением внебрачной рождаемости.

Информация, полученная в ходе интервью от одиноких матерей об их жизненных историях, указывает на отсутствие стигматизации одиноких матерей. Помощь прародителей в первую очередь направлена на материальную и инструментальную поддержку неполных семей своих детей и на внуков, которые воспитываются по разным причинам вне брака, исходя из их нуждаемости в помощи. Таким образом, этнокультурные особенности в изучении материальной взаимопомощи в рамках нескольких поколений между семьями с разными структурными типами не менее важны, чем экономические факторы.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Бедность в неполных семьях может носить долговременный характер и подвергать экономическому стрессу не только одиноких родителей, но и детей, которые воспитываются в них.

В настоящее время основным социальным инструментом поддержки неполных семей со стороны государства являются денежные пособия единственным родителям, воспитывающим детей. Отсутствуют законодательно установленные преференции при устройстве детей в дошкольные образовательные учреждения, льготы при оплате образовательных услуг, в особенности в сфере дополнительного образования. Между тем в случае с неполными семьями чрезвычайно важным представляются инвестиции в образование детей, которые в перспективе могут позволить преодолеть межпоколенческие круги бедности.

Многопоколенные семьи, имеющие в своем составе неполные семьи, формируются во многом по причине необходимости ухода и присмотра за детьми со стороны прародителей в то время, когда одинокая мать работает. Полагаем, что социальные инновации в этой сфере должны касаться, прежде всего, поддержки и стимулирования инициатив некоммерческого сектора, направленного на развитие сетей взаимопомощи по уходу и присмотру за детьми, а также принятие на региональном и местном уровнях льготной очереди или внеочередного устройства детей в детские сады для повышения экономической активности одиноких женщин с детьми.

Расширенные и сложные по составу семьи, включающие в себя одиноких родителей с детьми,

¹⁰ Выборочное обследование доходов населения и участия в социальных программах 2022 // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения : 10.04.2024 г.).

нивелируют экономические затруднения, с которыми сталкиваются последние. По уровню жизни и материальному достатку, количеству источников доходов, которые зависят от причины формирования неполной семьи и типа распада полной семьи, в результате которого они возникают, рассматриваемая категория семей не гомогенна. Дифференцирующими факторами выступают уровень образования, тип занятости одиноких родителей, возглавляющих неполные семьи. В этой связи государственные программы поддержки неполных семей должны включать специальные мероприятия образовательной направленности для получения одиночными матерями профессиональных навыков, которые будут способствовать предотвращению экономической и трудовой эксклюзии с учетом специфики региональной экономики и этнонациональных особенностей.

Применительно к Туве следует признать тот факт, что внебрачные рождения детей в гораздо большей степени, чем разводы, детерминируют рост числа неполных семей. Многопоколенные расширенные семьи в этом случае есть один из видов адаптационных стратегий, облегчающих процесс выживания внебрачных по своей природе неполных семей. Экономическая и социальная помощь со стороны государства, межпоколенческие и частные родственные трансферты, по сути, нейтрализуют последствия, а не причины формирования неполных семей. Анализ структуры доходов неполных семей показывает, что в более сложном материальном положении находятся семьи, возглавляемые матерями, которые никогда не состояли в браке, так как в этом случае у них могут отсутствовать такие источники дохода, как фактическая помощь биологических отцов детей, алименты, собственность, причитающаяся в ходе раздела имущества при разводе, пенсии по потере кормильца в случае смерти отца детей. Такие неполные семьи интегрируются в состав сложных многопоколенных семей. В этой связи профилактика первопричин, а именно, внебрачных рождений, равно как и с распада семьи в результате развода, вдовства должна стать неотъемлемой частью и содержанием социально-демографической политики и практики действий органов власти региона.

Анализируя положительные и отрицательные эффекты многопоколенных семей, составной частью которых являются одинокие родители с детьми, мы признаем социализирующее воздействие на детей совместного проживания с прапрадедами, возможности получения детьми опыта и

модели разделения гендерных ролей. Однако и этот эффект зависит от композиции многопоколенных семей, а именно, от того, является ли полной семья прародителей: отсутствие бабушки при наличии в неполной семье детей мужского пола будет означать и отсутствие канала передачи гендерной модели поведения и невозможность восполнения социализирующей роли отца. Как показывают материалы переписей населения, существенная часть неполных семей входит в структуру сложных семей, в которых старшее из трех поколений представляет лишь один из родителей одинокой матери или одинокого отца. В этом случае модели гендерного поведения должны транслироваться в рамках системы образования, а именно, через наставников и мужчин-учителей, спортивные, трудовые направления внеурочной деятельности, курсы основ семействования, если речь идет, например, о мальчиках.

Безусловно, позитивным является тот факт, что в условиях многопоколенной семьи снижается уровень бедности и лишений неполной семьи, социализация детей происходит на более благоприятном эмоциональном фоне за счет участия прародителей в их воспитании, уходе за ними, а также одинокая мать, опираясь на инструментальную помощь своих родителей, имеет возможность участвовать в оплачиваемом труде. К негативным эффектам с точки зрения количественного измерения демографического развития отнесем следующее. Речь идет о неполной реализации репродуктивного потенциала одиноких матерей, которые помимо отсутствия супруга испытывают жилищные депривации и вынужденно проживают совместно со своими родителями и детьми, что в конечном итоге отрицательно влияет на показатели рождаемости. Т. А. Гурко, характеризуя структуру причин откладывания рождения следующего ребенка, обращает внимание на то, что жилищные проблемы отмечаются в большей степени матерями, никогда не состоявшими в браке (51%), нежели замужними (30%) [25, с. 79]. А. Б. Синельников в качестве одной из мер совершенствования семейно-демографической политики сформулировал предложение о внедрении механизма родственнообменного ипотечного кредитования, суть которого заключается в возможности получения заемных средств родителями и последующего реоформления их на детей при достижении ими необходимого уровня доходов [26, с. 46].

Неполные семьи как отдельная социально-демографическая группа не входят в число участников федеральных и региональных программ обеспечения жильем. В числе немногих возможностей

улучшения жилищных условий таких семей является использование средств материнского капитала на погашение части ипотечного кредита или приобретение жилья, участие в программе обеспечения жильем молодых семей. Строительство и повышение доступности арендного жилья могло бы снизить уровень жилищной депривации, а также дополнительное включение на региональном уровне таких семей в число получателей мер социальной поддержки строительства жилья, которые предоставляются многодетным семьям.

Управленческие аспекты проблемы. На примере особенностей функционирования неполных семей в составе многопоколенных семей мы видим, что их проблемы связаны с более общими социальными проблемами общества, такими как бедность населения, демографическое благополучие и развитие человеческого капитала республики. Формирование обновленной социальной политики на региональном уровне должно начинаться с аудита и актуализации нормативных правовых документов стратегического и концептуального характера с учетом новых государственных задач в области демографической политики России, которые должны быть скоординированы в рамках национальных целей развития России и просемейной политики. Это касается, в первую очередь, таких основополагающих документов о перспективах и направлениях развития региона, как «Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 г.»¹¹ (далее – Стратегия), а также концепций развития отдельных подсистем, как демография, и в более узком измерении – как семья – «План мероприятий на 2024-2025 гг. по реализации Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. в Республике Тыва»¹², «План мероприятий по реализации второго этапа Концепции семейной политики в Республике Тыва на период до 2025 года»¹³, региональной программы снижения уровня бедности – «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности в Республике Тыва на 2024–230 гг.»¹⁴.

Анализ Стратегии показал, что изменения, происходящие в целом в семейной структуре общества, не проблематизированы в целях, задачах и основных приоритетах долгосрочного развития республики и в вызовах социального развития, в частности, развития человеческого капитала, не обозначен рост доли неполных семей с вытекающими из их особенностей социальными и экономическими проблемами. Между тем, как отмечают Т. К. Ростовская, О. Д. Натсак, в семьях с деформированной или разрушенной структурой такие показатели качества человеческого потенциала, как хорошее состояние здоровья, более высокий уровень образования, комфортные жилищные условия, экономическое благополучие, не всегда достижимы по причине дефицита финансовых и материальных ресурсов, а более низкие характеристики человеческого потенциала будут препятствовать обеспечению экономики страны и регионов трудовыми ресурсами с необходимым уровнем профессиональной подготовки и способствовать межпоколенческой преемственности бедности [27, с. 8].

Как показано выше, горизонты планирования региональных мероприятий по реализации концепций демографического развития и семейной политики РФ достаточно краткосрочны – до 2025 г. Полагаем, что с учетом особенностей демографического развития и семейной структуры населения Республики Тыва необходимы полноценные региональные концепции, отражающие анализ проблем с точки зрения преодоления разрывов между региональными и среднероссийскими значениями показателей, которые нужно улучшать для достижения национальных целей развития России, и адекватными для их решения мерами. Считаем целесообразным включение в содержание этих концепций идеологических и нормативных представлений о социальных нормах современной семьи, а именно, о полной и среднедетной, многодетной семье, основанной на официально зарегистрированном браке, которые должны быть направлены на формирование просемейного общественного мнения и

¹¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 г. №638 «О стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 г.» (с изменениями на 17 января 2023 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322563> (дата обращения: 15.07.2024 г.).

¹² Распоряжение Правительства Республики Тыва от 18 декабря 2023 г. №717-р «Об утверждении плана мероприятий на 2024-2025 гг. по реализации Концепции демографической политики до 2025 г. в Республике Тыва» // Правительство Республики Тыва [сайт]. URL: <http://glava.tyva.ru/page/6921.html> (дата обращения: 15.07.2024 г.).

¹³ Распоряжение Правительства Республики Тыва от 12.07.2023 № 437-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации второго этапа Концепции семейной политики в Республике Тыва на период до 2025 года» // Правительство Республики Тыва [сайт]. URL: <http://glava.tyva.ru/page/6546.html> (дата обращения: 14.07.2024 г.).

¹⁴ Постановление Правительства Республики Тыва от 27.03.2024 г. «Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности в Республике Тыва на 2024-230 гг.» // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва [сайт]. URL: <http://www.mintrud.tyva.ru/page/7155.html> (дата обращения: 14.07.2024 г.).

транслироваться не только через сферу медиа, но и через системы образования, здравоохранения. Вместе с тем концепции и программы демографического развития и семейной политики должны содержать адресные меры, направленные на улучшение самочувствия разных типов семей и семейного поведения, которые имеют статистически значимое распространение в социально-демографической структуре общества, как, например, неполные семьи.

Анализ региональной программы снижения доли бедного населения на 2024–2030 гг.¹⁵ показывает необходимость разработки дополнительных мероприятий с учетом социально-демографических характеристик и профиля бедности в регионе, например, детской бедности, бедности в семьях с разной структурой – в полных, неполных, расширенных семьях, соответственно, данные социально-демографические группы целесообразно дифференцировать в общей массе бедного населения. Полагаем, что республиканские меры по снижению бедности должны учитывать современные демографические процессы в республике, а именно, высокий уровень внебрачных рождений, формирующих неполные семьи, рост числа домохозяйств, имеющих в своем составе неполные семьи. Бедные неполные семьи составляют существенную часть структуры бедного населения, что обуславливает необходимость выработки отдельных мер для данной категории, касающихся не только предоставления социальных пособий и выплат, но и стимулирования экономической активности одиноких родителей, повышения доступности дополнительного и профессионального образования детей, воспитывающихся в них.

Механизмы управленческого воздействия в социальной политике должны быть отражены в комплексе разных программ, которые необходимо разрабатывать вслед за утверждением концепций и цели которых должны быть скоординированы общей стратегией. На региональном уровне социальную политику, в том числе семейную, формирует высший орган исполнительной власти – Правительство Республики Тыва, республиканский парламент, будучи законодательным органом, разрабатывает, утверждает законы в этой сфере, отраслевую политику и администрирование ведет министерство труда и социальной политики республики, непосредственную работу с семьями проводят управления труда и социальной политики, а также сеть центров поддержки семей и детей в районах.

Эта система нуждается в поддержке со стороны социальной среды и гражданского общества. И следующим этапом актуализации региональной социальной политики, на наш взгляд, должно стать расширение числа ее субъектов, исходя из принципов социального участия. Понимая тот факт, что главным субъектом социальной и, в частности, семейной политики является государство в лице органов власти, в условиях развития гражданского общества мы не можем отрицать социализирующий потенциал таких субъектов, как религиозные объединения, общественные организации, ассоциации, родительские и родственно-земляческие сообщества, которые могут способствовать не только популяризации традиционных семейных ценностей, брака, брачных рождений, ответственного отцовства и материнства, но и конструированию неформальных сетей социальной поддержки и взаимопомощи. Эти субъекты должны быть отражены в качестве как участников реализации мероприятий стратегий и программ, так и инициаторов конкретных мер, включаемых в них при разработке.

Такой подход расширяет не только круг субъектов социальной политики, но и её объектов. Как правило, объектами социальной политики и реципиентами социальной поддержки становятся семьи, находящиеся в кризисной ситуации, или по своему составу (многодетные), структуре (неполные семьи, пожилые бездетные пары), определенному этапу жизненного цикла (молодые семьи с детьми), наличию детей-инвалидов, экономическому положению (среднедушевые доходы ниже границы бедности, привязанной к размеру прожиточного минимума в регионе) выходят за рамки стандартных норм. Однако, если речь идет о просемейной политике и соответствующем воздействии на семейные, репродуктивные ценности и модели поведения населения, то объектами становится более широкий круг, включающий разные возрастные группы – детей, обучающуюся и работающую молодежь.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Республике Тыва видна тенденция роста всех структурных типов домохозяйств, в которых живут одинокие родители с детьми, среднего размера семей с неполной структурой.

Высокая стоимость жилья, бедность неполных семей способствуют формированию расширенных

¹⁵ Постановление Правительства Республики Тыва от 27.03.2024 № 127 "Об утверждении региональной программы "Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности в Республике Тыва на 2024-2030 годы" // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва [сайт]. URL: <http://www.mintrud.tuva.ru/page/7155.html> (дата обращения: 03.05.2024 г.).

семей, в которых семейные ячейки с неполной структурой совместно проживают с прародителями. Экономическая помощь прародителей входит в структуру доходов неполных семей и играет значимую роль в их бюджетах.

Эта помощь по своему характеру является альтруистической и не всегда направлена на получение эквивалентного обмена или возврата затраченных ресурсов. Цель частных трансфертов прародителей – помощь в выживании и поддержка приемлемого уровня потребления в неполной семье.

Дефицит в бюджетах неполных семей обуславливает ситуацию, когда функции экономической заботы о детях у некоторых прародителей не завершаются, а трансформируются в заботу о внуках, что означает определенную репатриархализацию семейно-родственных отношений на современном этапе, а роль государственных трансфертов на пенсии пожилым гражданам функционально выходит за пределы обеспечения исключительно пожилых людей.

У каждого типа семей, в том числе неполных семей, проблемы специфичны и требуют

дифференцированного подхода, что должно выражаться не только в оказании монетарной помощи государства, но и в нематериальных инструментах поддержки с учетом их особенностей, мерах, повышающих их социальную субъектность.

Анализ действующих региональных стратегий, концепций и программ показал незавершенную институционализацию неполных семей, недостаточную идентификацию социальных, демографических и экономических вызовов, ассоциируемых с ними. Полагаем, что в связи с усилением места вопросов семьи в государственной и политической повестке России, внедрением проектных методов управления в этой сфере – разработкой национального проекта «Семья» – региональные стратегические и программные документы требуют дополнения и обновления в части актуализации проблем и вызовов, координации целей, дифференцированных подходов и мер, учитывающих типы семей и их структурные особенности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Son, S., Seo, Ch. (2023) Development of Programs for Teachers and Government Officers to Understand Single-Parent Families. *Society for the Study of Family Policy*, no. 3 (1), pp. 41-62. DOI 10.52946/jfr.2023.3.1.41.
2. Прокофьева Л. М., Корчагина И. И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // *Демографическое обозрение*. 2023. Т. 10, № 2. С. 4–17. DOI 10.17323/demreview.v10i2.17763. EDN TDYEBV.
3. Романович Н. А. Представления молодежи о браке и семье // *Социологические исследования*. 2023. № 3. С. 135-140. DOI 10.31857/S013216250021750-8. EDN PZPLRL.
4. Синельников А. Б. Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России // *Социологические исследования*. 2023. № 4. С. 75–83. DOI 10.31857/S013216250022703-6. EDN МОИТВК.
5. Алексева А. Г. Семейно-брачные отношения коренных народов Сибири: современный аспект // *Миссия конфессий*. 2018. Т. 7. Ч. 6. С. 686–694. EDN YZEDSH.
6. Субботин С. В. Тувинская семья и её функции. Традиции инновации // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. Т. 9. № 6. (28). С. 159–171. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171. EDN YAJJNR.
7. Гончарова Г. С., Савельев Л. Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 288 с. EDN QCSKYT.
8. Михеева А. Р. О причинах сверхвысокой внебрачной рождаемости у коренных народов Сибири: факты и гипотезы // *Экономика России и Сибири: прошлое, настоящее, будущее*. Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию юбилею Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2008. С. 276–281. EDN RROZXX.
9. Натсак О. Д. Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // *Социологическая наука и социальная практика*. 2022. Т. 10, № 2. С. 52–71. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9028. EDN VRYUUM.
10. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2023. Т. 3,

№ 4. С. 59–77. DOI 10.19181/demis.2023.3.4.4. EDN PNNQUG.

11. Безвербная И. А. Многопоколенные семьи России и США: сравнительный обзор / Семья в современном обществе, Москва, 18 мая 2018 года. Т. 4., № 1. Под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Экон-Информ", 2018. С. 187–192. EDN YAUSSL.

12. Бабышев В. Ю. Влияние межпоколенных трансфертов на рождаемость // Народонаселение. 2021. Том. 24. № 1. С. 77–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.8>. EDN QYJAOZ.

13. Гладникова Е. В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 93–110. DOI 10.17323/1726-3247-2009-5-93-110. EDN OYNYQD.

14. Миронова А. А. Влияние демографических изменений на систему частных межпоколенных трансфертов // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. №3. С. 80–99. EDN WZZJGR.

15. Денисенко М. Б., Козлов В. А. Межпоколенные счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 6–35. DOI: 10.17323/demreview.v5i4.8661. EDN VRQRGC.

16. Синявская О. В., Козлов В. А., Гудкова Т. Б. Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых респондентов в России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2 (174). С. 186–211. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371>. EDN LGLHQW.

17. Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–29. EDN OXBQJV.

18. Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. М. : ГУ ВШЭ, 2004. 50 с. EDN QQHDDT.

19. Реутова М. Н., Реутов Е. В. Шавырина И. В. Реципрокность в социальных отношениях:

нерыночный обмен ресурсами в современной экономической системе // Вестник Белгородского государственного технического университета им. В.Г. Шухова. 2017. №7. С. 202–206. DOI: 10.12737/article_5940f01b71aaa2.44953122. EDN ZDDACL.

20. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 106–117. DOI: 10.31857/S013216250004283-4. EDN ZADYUX.

21. Штейнберг И. Е. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 52–57. EDN НТМКНД.

22. Штейнберг И. Е. Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №2. С. 62–75. EDN OYNYGD.

23. Ярашева А. В., Макара С. В. Региональные жилищные проблемы населения: Дальневосточный федеральный округ // Народонаселение. 2022. Т. 25. №3. С. 89 – 102. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.7. EDN GYEILJ.

24. Snyder, A.R., McLaughlin, D. K. and Findois, J. "Household Composition and Poverty Among Female-Headed Households with Children: Differences by Race and Residence", *Rural Sociology*, 2006, no. 71(4), p. 597–624. DOI:10.1526/003601106781262007.

25. Гурко Т. А. Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 72–82. DOI: 10/31857/S0132162500029338-4. EDN WGTVDW.

26. Синельников А. Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48. DOI 10.31857/S0132162500020195-7. EDN FODWFN.

27. Ростовская Т. К., Натсак О. Д. Неполная семья в контексте современных демографических концепций // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 2. С. 1–11. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.10. EDN UYFSNI.

REFERENCES

1. Son, S., Seo, Ch. (2023) Development of Programs for Teachers and Government Officers to Understand Single-Parent Families. *Society for the Study of Family Policy*, 3 (1), 41–62. <https://doi.org/10.52946/jfp.2023.3.1.41>.
2. Prokofieva, L. M., Korchagina, I. I. (2023) The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses. *Demographic Review*, 10 (2), 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>. <https://elibrary.ru/tdyebv>.
3. Romanovich, N. A. (2023) Youth and marriage: a transformation of values. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 3, 135–140. <https://doi.org/10.31857/S013216250021750-8>. <https://elibrary.ru/pzplrl>.
4. Sinelnikov, A. B. (2023) Social acceptability of objective and subjective reasons for divorce in modern Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (4), 75–83. <https://doi.org/10.31857/S013216250022703-6>. <https://elibrary.ru/mohtbk>.
5. Alekseeva, A. G. (2018) Family and marriage relations of the indigenous peoples of Siberia: a modern aspect. *Mission confessions*, 7 (6), 686–694. <https://elibrary.ru/yzedsh>.
6. Subbotin, S. V. (2016) The tuvan family and its functions. Traditions and innovations. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 9, 6 (28), 159–171. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171>. <https://elibrary.ru/yajur>.
7. Goncharova, G. S., Savel'ev, L. Ja. (2004) Family and marriage relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects. Novosibirsk, Nonparel', 288. <https://elibrary.ru/qcskyt>.
8. Miheeva, A. R. (2008) The causes of the ultra-high illegitimate birth rate among the indigenous peoples of Siberia: facts and hypotheses. *In V. V. Kuleshov (Ed.), The economy of Russia and Siberia: past, present, and future. Materials of the scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Economics and Industrial Production SB RAS*. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Production Organization SB RAS, 276–281. <https://elibrary.ru/rrozxx>.
9. Natsak, O. D. (2022) Transformation of the reproductive model of the tuvan family: historical retrospective and current trends. *Sociologeskaa nauka i social'naa praktika*, 10 (2), 52–71. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>. <https://elibrary.ru/vryuum>.
10. Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Vasilyeva, E. N. (2023) The institute of multi-generational family as a reserve of demographic development in Russia. *Demis. Demographic Research*, 3 (4), 59–77. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4>. <https://elibrary.ru/pnnqog>.
11. Bezverbnaya, I. A. (2018) Multigeneration family of Russia and USA: comparative review. *Family in modern society. Series: "Demography. Sociology. Economics"*, 4 (1), 187–191. <https://elibrary.ru/yaussl>.
12. Babyshev, V. Ju. (2021) Impact of intergenerational transfers on fertility. *Population*, 24 (1), 77–89. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.8>. <https://elibrary.ru/qyjaz>.
13. Gladnikova, E. V. (2009) A review of research approaches to private intergenerational transfers. *Economic sociology*, 10 (5), 93–110. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2009-5-93-110>. <https://elibrary.ru/oynyqd>.
14. Mironova, A. A. (2016) Influence of demographic transformation in the system of private intergenerational transfers. *Demographic review*, 3 (3), 80–99. <https://elibrary.ru/wzzjgr>.
15. Denisenko, M. B., Kozlov, V. A. (2018) Generational accounts and demographic dividend in Russia. *Demographic review*, 5 (4), 6–35. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8661>. <https://elibrary.ru/vrqrqc>.
16. Sinjavskaya, O. V., Kozlov, V. A., Gudkova, T. B. (2023) Financial and instrumental transfers in the families of elderly respondents in Russia and Estonia: are there any ethnocultural differences? *The monitoring of public opinion: economic and social changes journal*, 2(174), 186–211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371>.
17. Barsukova, S. Ju. (2004) Reciprocal interactions - essence, functions, specifics. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (9), 20–29. <https://elibrary.ru/oxbjqv>.
18. Barsukova, S. Ju. (2004) Non-market exchanges between Russian households : theory and practice of reciprocity. Moscow, State University Higher School of Economics, 50 p. <https://elibrary.ru/qqhddt>.
19. Reutova, M. N., Reutov, E. V. Shavyrina, I. V. (2017) Recycle in social attitudes: nonmarket exchange of resources in the modern economic system. *Bulletin of belgorod state technological university named after V.G. Shukhov*, (7), 202–206. https://doi.org/10.12737/article_5940f01b71aaa2.44953122. <https://elibrary.ru/zddacl>.

20. Reutov, E. V., Reutova, M. N., Shavyrina, I. V. (2019) Reciprocity in mutual aid networks (on the data of a regional study). *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (3), 106–117. <https://doi.org/10.31857/S013216250004283-4>. <https://elibrary.ru/zadyux>.

21. Shtejnberg, I. E. (2004) Psychology of non-equivalent exchange in the social support networks of urban and rural families. *The Russian public opinion herald*, 6 (74), 52–57. <https://elibrary.ru/lglhqw>.

22. Shtejnberg, I. E. (2009) Institutionalization of support networks in the inter-family and friendly exchanges. *Economic sociology*, 10 (2), 62–75. <https://elibrary.ru/oynygd>.

23. Jarasheva, A. V., Makar, S. V. (2022) Regional housing problems of the population: far eastern federal district. *Population*, 25 (3), 89–102. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.7>. <https://elibrary.ru/gyeilj>.

24. Snyder, A.R., McLaughlin, D. K., Findois, J. (2006) Poverty Among Female-Headed Households with Children: Differences by Race and Residence. *Rural Sociology*, 71 (4), 597–624. <https://doi.org/10.1526/003601106781262007>.

25. Gurko, T. A. (2023) Family factors of reproductive behavior. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (12), 72–82. <https://doi.org/10.31857/S0132162500029338-4>. <https://elibrary.ru/wgtvdw>.

26. Sinelnikov, A. B. (2022) Separation of generations in families as a factor for reducing birth rate. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (5), 36–48. <https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7>. <https://elibrary.ru/fodwfn>.

27. Rostovskaya, T. K., Natsak, O. D (2024). Single-parent family in the context of modern demographic concepts. *Social area*, 10(2), 1–11. <https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.10>. <https://elibrary.ru/uyfsni>.